

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

ИСТОКИ И ПЕРВОПРИЧИНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Часть 1

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)*

Изучаются социально-политические, экономические, религиозные и психологические факторы, обусловившие формирование нового для Европы цивилизационного уклада. Объясняются причины феодально-церковного господства над социумом в условиях взаимовыгодной договоренности. Выясняется, почему торговые отношения изменили психологию европейцев, серьезно переменили отношение к собственности. Показаны возрастающая роль договора во взаимодействии между людьми, значение урбанизации и самоуправления городов, науки и образования. Исследуются причины устойчивой взаимосвязи капитализма, протестантизма и зарождающегося конституционализма. Доказывается, почему индивидуализм и рационализм содействуют зарождению и поддержанию конституционных отношений – методов взаимодействия индивидов. Делается предположение, что именно в рассматриваемый исторический период в Европе формируются основы гражданского общества, а конституция, олицетворяющая идею нового права, выступила своевременным, действенным и достаточно эффективным инструментом имевших место преобразований.

Ключевые слова: *средневековая цивилизация, торговля, город, собственность, индивидуализм, право, конституционализм.*

Введение. Конституция как общественное явление в современном её понимании получила философское, политическое и юридическое обоснование в эпоху Нового Времени. В изменившихся исторических условиях она предстала очевидным достижением европейской цивилизации, явилась своевременным ответом на глубинные потребности социально-экономического и политического прогресса. Главной причиной этого Ким Лейн Шеппели видит следующее: «История конституционализма начинается с того момента, когда общество, с интересами которого правитель не желает считаться, начинает оказывать сопротивление. Правителя можно заставить перейти в правовое поле, если это сопротивление институционализировать. Однако если общество организовано таким образом, что противодействие со стороны его различных сегментов никаких результатов не приносит, то правитель продолжает поступать так, как ему заблагорассудится. Конституционализм же является на свет как итог оказанного произволу противодействия» [1, с. 7]. Это верное, по сути, замечание не может считаться исчерпывающим по означенной проблеме, что и предстоит доказать.

Основная часть. Конституционная идея формируется в качестве политико-юридического учения на рубеже эпох в результате борьбы между не сумевшим ответить на вызов своего времени феодализмом и приходящим ему на смену новым общественным строем. Эта идея возникла не в отдельной стране, а в тех, где уже в XIII–XV веках в недрах феодальной системы вызревал капитализм, требующий для развития права собственности и свободы предпринимательства принципиально новых правил взаимодействия людей. Изменение экономических условий жизни социума повлекло за собой совершенно иную расстановку политических и социальных сил в обществе, ломку религиозных стереотипов и формирование человека нового типа.

Капиталистический уклад является элементом общественного строя, при котором социум управляется на договорной основе, а для заключения договора необходим диалог. В Средние века было иначе, власть над социумом имели две структуры: военно-административная (светская) и духовная (церковная) элиты. «Всякая профессия склонна замыкаться в касту, и всякая каста склонна утверждать, что именно ее интересы являются высшими интересами человечества» [2, с. 4], поэтому феодалы и клерикалы жёстко удерживали массы под своим контролем. Взаимодействие между ними легко объяснимо, так как огосударственное христианство прививало подчинённым полную покорность перед властями (описание ситуации намеренно огрубляется, более детально см. Г.Д. Бермана [3, с. 96]), а благодаря коронованию Карла папой Львом III, которое произошло в Рождество 800 года, «папство закрепило за собой право ставить и снимать императоров, и христианский мир, несмотря на межгосударственные границы, стал единым» [4, с. 82]. Не только клерикалы вмешивались в политику, с такой же активностью государственные деятели влияли на дела церковные. Эта закономерность отчетливо проявляется с начала VI века, после хаоса варварских нашествий: «Церковь пыталась руководить государством, а государство – управ-

лять церковь. Епископы выдвигались в разряд королевских советников и наставников во всех сферах деятельности, сясь преобразовать церковные каноны в гражданские законы, а короли, став католиками, назначали епископов и председательствовали на соборах» [5, с. 49]. Вместе они контролировали экономику, искусство, науку. Любые попытки независимого поведения в этих сферах пресекались, чему способствовало стремление правящей элиты не допустить разграничения жизни социума на политическую, экономическую, духовную сферы.

О том, что государственное управление и тщательное сохранение религии необходимо идут рука об руку, а без содействия духовенства никакая власть не могла быть «легитимной», сказано у Ф. Ницше. «Пока государство, – пишет “философ неприятных истин”, – рассматривает себя как опекуна несовершеннолетней толпы и в ее интересах обсуждает вопрос, нужно ли сохранить или устранить религию, – до тех пор он будет всегда решаться в пользу сохранения религии. Ибо религия удовлетворяет душу отдельной личности в случае потери, нужды, ужаса, недоверия, то есть там, где власть чувствует себя бесильной сделать что-либо непосредственно для облегчения душевных страданий частного лица; и даже при общих, неизбежных и ближайшим образом неустраняемых бедствиях (при голоде, денежных кризисах, войнах) религия внушает толпе спокойное, выжидательное, доверчивое поведение. Всюду, где необходимы и случайные недостатки государственного управления или опасные последствия династических интересов будут обнаруживаться проницательными людьми и приводить их в строптивное настроение, – непроницательные будут видеть перст Божий и покорно подчиняться велениям *свыше* (понятие, в котором обыкновенно сливаются божественные и человеческие порядки управления); и этим обеспечивается внутренний гражданский мир и непрерывность развития. Сила, которая лежит в единстве народного сознания, в одинаковых мнениях и общих целях, охраняется и скрепляется религией, за исключением тех редких случаев, когда духовенство не может сойтись в цене с государственной властью и вступает в борьбу с ней» [6, с. 443]. Таких эпизодов в мировой истории насчитывается великое множество, и имеют они одинаковую природу.

Вера в загробную жизнь насаждалась насильственными способами и такими же жестокими методами поддерживалась в умах паствы. За послушание, непосильный труд и земные лишения обещалась райская загробная жизнь. Иными словами, материальные издержки в настоящем предполагалось возместить в будущем мнимыми благами в загробном мире. Если кто-то не подчинялся церкви и не отвечал на её вымогательства, на помощь приходило государство и молниеносно карало стропливых (понадобилось учреждение «святой» инквизиции). Как пишет Жак Ле Гофф, «церковь, часто поддерживаемая государями, охотно предлагавшими ей свою “светскую руку”, реагировала быстро и решительно. И в 1022 году в Орлеане запылали первые костры с еретиками» [5, с. 109]. Целые группы населения подвергались тотальному преследованию: «Король кастильский Фердинанд сам носил дрова для костров, на которых инквизиция жгла еретиков и нехристианских подданных. [...] Он полагал, что святая инквизиция будет очень полезным орудием королевской власти» [7, с. 299]. В Европе инквизиция просуществовала до 1852 года (Тоскана), а затем была сметена движением Гарибальди за объединение Италии. К слову, инквизиция – это Средневековье либо Новое Время? Права А.Л. Ястребицкая в том, что «уже само название “средние века” содержит в себе элемент пренебрежительности. Оно подразумевает, что в истории Европы были два “светлых” периода – античность и новое время, между которыми лежит провал, “ненастоящее” или “темное” время, средние века. Давным-давно укоренилось представление, что средние века – период застоя, и термин “средневековье” стал синонимом мрачного и реакционного. Но справедливо ли такое суждение?» [8, с. 5]. В конце концов, именно в Новое Время начинается массовая охота на ведьм. Поэтому прав У. Эко [9, с. 13], когда пишет о том, что само понятие «Средневековье» определить довольно трудно. Такого же мнения и Кэрролл Куигли [10, с. 493].

В чём был интерес у светской власти в отношении церкви? Последняя оправдывала режим неограниченной монархической власти, нарекая государей помазанниками Божьими и облекая их земную власть в форму божественной санкции. Клирики освящали королевскую власть и провозглашали необходимость того, чтобы все подданные слепо ей подчинялись, поскольку «тот, кто противится сей власти, противится порядку, угодному Богу» [5, с. 331]. Но если король отклонялся от этой программы и переставал подчиняться (как то было с Фридрихом II, отлученным от церкви и низложенным на Лионском Соборе 1245 г.), церковь быстро напоминала ему о его ничтожестве, лишая власть столь желанного священного характера. Еще в 829 году на Парижском Соборе было определено, что если король не почитает церковь, то становится не монархом, но тираном. Как сказал Рудольф Безбородый, «Европа облачается в белое одеяние церквей» [9, с. 302].

В это время утверждается ключевая доктрина римской католической церкви. Нам известна как теория «двух мечей» (выдвинута Папой Бонифацием VIII), согласно которой один меч символизирует власть в этом, материальном мире, и она может принадлежать государям. Второй, более важный меч, находится в руках церкви и символизирует власть в духовном мире. Доктрина не предполагала разделение власти двух мечей, каждый из них поддерживал другой и шёл за ним, то есть политическая и духовная власти не могли быть разделены. Именно это и определяет миссионерский дух церкви: «Со всех точек

зрения – духовной, пасторской, политической – это была эпоха вершины могущества католической церкви» [11, с. 79], а Ватикан высокомерно и спесиво игнорировал католические государства того времени.

Там, где царила феодальная раздробленность (Германия, Скандинавия, Италия), «мини-монархами» для своих подданных выступали князья, герцоги, графы, бароны, курфюрсты и прочие властители. Для населения это был наихудший вариант, так как родовые распри и всеобщее распространение грубого насилия, жестокое уголовное право и беспредел «доблестных» рыцарей приводили к разрушению культурных и экономических ценностей. Например, особый урон экономической жизни наносил принятый у рыцарей обычай брать в заложники жителей богатых городов и требовать за них большой выкуп. Против такого разрушительного явления выступала как церковь, так и государственная власть. Им не нужны были неподконтрольные и незаконные распри и насилие. Поэтому совместными усилиями приходилось вырабатывать правопорядок, обеспечивающий более эффективную защиту внутренней социальной безопасности. Между светской и религиозной властями закрепилась взаимовыгодная связь. Фактически церковь и государственная власть образовывали единую элиту, основным управляющим принципом системы выступает легитимность применения насилия или угрозы применения такового (по сути, угроза мук в аду есть не что иное, как угроза применения насилия, хоть и с «отсроченным» исполнением). В отношении сомневающихся для пушей наглядности акты устрашения церковь и государство учили в реальной жизни. Еретиков (в основном богоборцев и учёных) сжигали на кострах «святой» инквизиции, а восстания крестьян и горожан подавляли с невероятной жестокостью (например, в период Крестьянской войны 1525 года в Германии погибло более 100 тысяч человек [12, с. 789], большие бедствия крестьянство познало лишь в XX веке при коллективизации в СССР, где в топку социального эксперимента было брошено 105 миллионов человек [13, с. 313]). На восставших крестьян обрушилась не только традиционная католическая церковь, но и зарождающееся протестантство в лице Лютера: «Непокорных он осудил и назвал “бешеными псами” за захват поместий, пояснив, что Евангелия не призывают обращать чужую собственность в общую, сохраняя при этом свое имущество, а учат христиан по доброй воле расставаться с тем, что они имеют», – пишет Р. Пайпс [14, с. 34]. В качестве врагов второй очереди Лютер утвердил евреев.

Между светскими и церковными властями возникали неизбежные конфликты, когда приходилось кардинально решать вопросы власти и собственности. К обычным феодальным войнам прибавлялись распри между императорами и папами, между гвельфами и гибеллинами, баронами и епископами. Общеизвестный факт, что «в Западной Европе трения между набирающей силу Римской католической церковью и расширяющими свои полномочиями королями вылились в ширококомасштабный конфликт в конце XI века – “кризис инвеституры”, когда Папа Римский и короли одновременно претендовали на право назначать клир низшего звена. Конфликт удалось погасить благодаря достигнутой договоренности о разделе сфер влияния, которая до сих пор служит моделью распределения обязанностей между гражданским обществом и государством в большинстве стран Европы. Однако в раннее средневековье институциональная проблема была решена лишь частично. Столкновения интересов и пересечение компетенций церкви и государства не раз грозили перерасти в открытый конфликт между ними» [1, с. 7].

Такие случаи имели место. Например, конфликт могущественного короля Франции Филиппа Красивого с папой Бонифацием VIII завершился оскорблением понтифика, получившего пощечину в Ананьи (1303), и ссылкой, «пленением» папства в Авиньоне (1305–1367). Большой резонанс получило столкновение папы Иоанна XXII и императора Людовика Баварского, что подвигло Марсилия Падуанского в его «Защитнике мира» (1324) определить черты нового христианского мира, где светская и духовная власть четко разделены. На волне этих событий секуляризация охватила и политическую идеологию, а «последний великий поборник совмещения двух властей, последний великий человек средневековья, подведший своим гениальным трудом черту под былой эпохой, Данте умер в 1321 году, обратив свой взор к прошлому» [5].

Таким образом, западное христианство, сначала католицизм, а затем католицизм и протестантство, составляют важную историческую особенность западной цивилизации. Европейцы уже в VIII–IX веках осознавали свои отличия от арабов, византийцев, восточных славян и других народов. Крестовые походы показали, что в орбите западного христианства существовало хорошо развитое чувство единства. В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие конфессии существовали отдельно от государства, несмотря на указанные выше взаимозависимости. Как пишет С. Хантингтон, «Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти – таков был преобладающий дуализм в западной культуре. [...] Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе (курсив наш. – А. П.)» [10, с. 96]. Государство было вынуждено считаться и с иными силами, поскольку исторически западное общество было в высшей степени плюралистичным.

Кроме вызова, который светскому государству бросила церковь, на свою долю властных полномочий претендовало дворянство, оно вынудило монархов идти на уступки. Не всюду, как в Англии 1215 года и Венгрии 1222 года, это происходило мирным путем. Но эти «разборки» наверху не имели никакого

отношения и не несли ощутимого позитива подавляющей массе населения, кроме гнета, реакции и карательных экспедиций. В ответ повсеместно вспыхивали бунты, восстания, революции. Это заставило феодалов, епископов и других представителей знати уступать под нажимом «низов». Но такая «спайка» клерикалов и феодалов не могла быть вечной, и вот почему.

В сфере экономики господствовало примитивное нетоварное натуральное хозяйство. Некоторое разнообразие вносили ярмарки (наиболее известные: Труа, Шалон, Провин, Ланьи), которые были призваны обеспечить средневековое общество продуктами, которые невозможно было найти в своей местности. Но их организация носила спонтанный сезонный характер, продавцами чаще всего выступали сами производители либо их агенты. Всё необходимое, как правило, производилось внутри одного геосоциального организма. Ментально культивировалось отвращение к «новшествам», нововведения представлялись чудовищным грехом, поскольку подвергали опасности экономическое, социальное и духовное равновесие. Как отмечает Ж. ле Гофф [5, с. 243], в течение долгого времени на средневековом Западе не было написано ни одного трактата по технике; эти вещи казались недостойными пера, или же они раскрывали бы некий секрет, который не следовало передавать. Слабость технического оснащения в Средние века проявилась прежде всего в самих его основах. Это преобладание ручных орудий над механизмами, малая эффективность оборудования, убогое состояние сельскохозяйственного инвентаря и агротехники, результатом чего были низкие урожаи (лишь в XIV в. появился первый трактат «О выгодах сельского хозяйства» болонца Пьетро ди Крещенци), скудность энергетического обеспечения, слабое развитие средств транспорта, техники финансовых и коммерческих операций. Торговля была неразвита и касалась в основном элиты, отличалась монополизированностью и замыкалась на емкость ее рынка. Суверенами являлись светские и духовные иерархи, которые фактически выступали собственниками производимого продукта. Любое сопротивление и инакомыслие подавлялось.

Выражаясь словами Э. Тоффлера [15], насилие как инструмент власти господствовало во всех сферах: политической, духовной, экономической. Управление осуществлялось «напрямую», через жесткие вертикальные структуры в достаточно локальных пространствах. Идея «микропорядка», разработанная Аристотелем, была органично воспринята учением Фомы Аквинского в XIII веке. Следствием этого «стало провозглашение аристотелевской этики фактически официальным учением римско-католической церкви. Негативная оценка торговли церковью в Средние века и в начале Нового времени, осуждение взимания процентов как лихоимства, церковное учение о справедливой цене и презрительное отношение к прибыли насквозь пропитаны духом аристотелизма» [16, с. 84]. Католицизм способствовал формированию устойчивой антикапиталистической традиции.

Её духовно-интеллектуальные истоки – в Античной Греции. Аристотель в своей «Политике» обвинял ростовщиков в извращении сути денег, а взимание процентов полагал самым противным природе занятием. По его мнению, ссудные деньги – уже ни в коем случае не средство обмена. Они приобретают принципиально новое свойство размножаться, порождая новые деньги из старых денег. Те же, в чьих руках они сосредоточены, богатеют, пальцем о палец не ударив, в то время как все остальные нищают, затягиваясь в безнадежную финансовую кабалу. Вторая немаловажная особенность ссудных денег, замечают аристотелевские апологеты, состоит в их способности порождать безнадежные долги, отработать которые честно и в долгосрочной перспективе не представляется возможным. Здесь сказалась философия учителя Аристотеля Платона, говорившего о неустойчивой потребности в деньгах, приводящей людей в лапы ростовщиков.

Эти взгляды характерны не только для античности и средневековья, они продуцируются и в наше время. Популярность их, полагает Ниал Фергюсон [17, с. 9], имеет три причины. Отчасти дело в том, что должники всегда превосходили кредиторов своей численностью и редко относились к ним с теплотой (вспомните Шейлока из «Венецианского купца», Гарпагона из «Скупого», «Гобсека» из одноименного произведения О. Бальзака и других «негативных» персонажей из мировой литературы). Во-вторых, кризисы и сопутствующие им скандалы случаются достаточно часто, чтобы в общественном воображении финансы отождествлялись с нищетой и неустойчивостью, а не с процветанием и спокойствием (Джон Ло, разрушивший финансовую систему Франции накануне Революции, чего стоит). Наконец, нельзя не отметить, что издавна во всех частях света услуги финансового характера предоставлялись в основном членами религиозных или этнических меньшинств, лишенных возможности владеть землей или занимать государственные посты, но преуспевших в финансовом деле благодаря доверию и поддержке, зачастую родственной, со стороны общины.

И действительно, как могут смириться самые ярые ненавистники «презренного металла» с тем, что чистая выручка «Goldman Sachs» за 2007 год оказалась равна 46 миллиардам долларов, в то время как миллиард людей по всему миру пытаются свести концы с концами, тратя менее одного доллара в день. Что уж тут говорить про «мракобесное» Средневековье? В Новое Время отношение к ростовщичеству меняется, что убедительно показал Ф. Бэкон в своих «Наставлениях нравственных и политических» [18, с. 442–445]. Он предлагает удержать его в должных границах, устранить наносимый им ущерб (расписано семь дурных сторон ростовщичества) и сохранить выгоды (таковых указано три). В общем, «лучше умерить ростовщичество, признав его открыто, нежели дать ему полную волю, потворствуя ему втайне» [18, с. 445]. В ранний период истории все обстояло иначе.

Сама церковь преследовала «преимущественно собственные интересы, не заботясь более об интересе варварских государств, чего не было при Римской империи. Она скапливала земли, доходы, привилегии, добываясь их в качестве даров от королей, магнатов, даже бедняков, и это в тех условиях, когда накопление еще более обескровливало хозяйственную жизнь, серьезно подрывало производство» [5, с. 48]. На словах же в качестве образцов для подражания понтифики в своих духовных наставлениях проповедовали аскезу и монашеское отрешение от мира. Церковь стремилась к установлению клерикальной власти, которая господствовала бы над христианским миром ради того, чтобы отвратить его от мирских забот. В тех социально-экономических условиях это лишь приводило к обоюдному параличу церковной и королевской элит.

Однако в недрах феодального строя зарождаются экономические отношения, основой которых выступила торговля как решающий фактор нового миропорядка. «Почему же все-таки люди соглашались рисковать жизнью, здоровьем или имуществом ради путешествия, которое на годы отрывало их от родных и любимых?», – вопрошает Уильям Бернстайн [19, с. 15]. Ответ прост. Тяжелая жизнь торговца (риски, разбойники, изменчивость рынка) была лучше, чем тяжелая и беспросветная жизнь крестьянина, а на полях в те времена трудилось до 90% населения. Торговец мог стать богачом, ремесленник и уж тем более крестьянин – никогда. Не стоит забывать и о природной склонности людей к «торговле и обмену», в результате которых растет количество и разнообразие приобретаемых человеком вещей, что убедительно доказал Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» [20]. Но это было возможно только в городской среде. Если в раннем Средневековье функции городов сводились к военной, административной и религиозной составляющим, а сами города были укрепленными, огороженными, весьма ограниченным пространством, резиденцией графа или епископа, то начиная с XI века оживление торговли реанимировало его коммерческую функцию.

В основе торговли лежат горизонтальные связи. Это приводит к тому, что меняется психология социума. В этой связи Р. Пайпс приводит пример, связанный с торговой этикой: «Она учит, что от любой сделки обе стороны, участвующие в ней, должны выиграть, обе стороны должны получить выгоду. [...] Но в понимании аграрной культуры выигрыш одного – это потеря другого, сделка как игра с нулевой суммой» [21, с. 16]. Вместо привычного насилия и увещеваний со стороны феодалов и церковников обществу предлагается диалог, без которого торговля невозможна. Экономическая монополия феодальных элит постепенно сходит на нет, власть суверена в этой сфере ограничивается взиманием таможенной пошлины в денежном или натуральном виде.

Между разными регионами Европы налаживаются контакты, стремительно расширяется информационное пространство. Уклад, при котором большая часть людей лишь производила продукт и примитивно его потребляла, постепенно меняется. Уже не только элита, но и социум выступает массовым потребителем. Это даёт стимул экономического роста, формируются зачатки рыночной экономики со всеми её атрибутами: банками, векселями, биржами, бухгалтерией, контрактами. И все благодаря торговле, а ведь еще недавно купцов причисляли к маргиналам, всячески третировали. Торговля расширяет рынки и тем самым стимулирует индустриализацию, что приводит к повышению производительности труда и внедрению поточного производства. Поэтому часть серийной продукции мануфактур рано или поздно оказалась доступной широким массам.

Решающие перемены в экономике и финансах не замедлили сказаться на юридическом уровне. С XII века формируются зачатки западного торгового права, которое «впервые стало рассматриваться как интегрированная, развивающаяся система, *корпус*, организм права» [3, с. 315]. Оно было разработано для удовлетворения потребностей, прежде всего, нового купеческого сословия, что было связано с естественным подъемом городов и развитием городского права. Однако, как замечает Г. Берман [3, с. 316], расширение торговли в сельской местности было первоначально результатом «сельскохозяйственной революции», а не «городской», то есть рост сельского хозяйства был сам по себе предпосылкой роста городов. Новая система торгового права существовала на Западе одновременно с системами феодального и манориального права. Революция в аграрном секторе и расцвет торговли привели к появлению излишков сельскохозяйственной продукции, которые надо было реализовать. Это повлекло резкий скачок роста населения, избыток рабочей силы привел к тому, что бывшие крестьяне становились либо бродячими корабейниками, либо отправлялись в растущие города, чтобы стать ремесленниками или купцами.

Истинный масштаб миграции определить трудно, но, по некоторым подсчетам [3, с. 317], в период 1050–1200 годов количество городского населения выросло с 1 до 10%, то есть из общего населения Европы примерно в 40 миллионов человек несколько миллионов жили в условиях городских общин. Эти изменения повлекли качественный и количественный рост экономических показателей.

Технологическая революция, развернувшаяся на Западе в XV–XVI веках, рост внутреннего рынка и формирование буржуазного типа производства, «революция цен» (когда золото утратило прежнюю покупательную способность, а резко возрос спрос на товары) совпали с Великими географическими открытиями. Для Европы это была принципиально новая, уже третья по счету, модель экономики. «Сначала была позднеантичная, отличавшаяся развитым разделением труда, высоким уровнем жизни и такой производительностью труда, которой человечество потом достигло только к XIX веку. Но для такой про-

изводительности просто не было столько потребителей: в рабовладельческом обществе невозможно создать необходимый спрос. В итоге эта модель пришла в противоречие и разрушилась. Ей на смену пришла статичная цеховая модель, которая просуществовала тысячу лет. А в XVI веке ее заменила модель научно-технического прогресса, *которая требует постоянного расширения рынков»* [22, с. 36]. И хотя капитализм вызревал внутри феодализма естественным образом, «именно географическая экспансия западного мира сделала *возможность* буржуазной эволюции в Западной Европе *реальностью»* [23, с. 24]. Непосредственной причиной успешной экспансии Запада С. Хантингтон считает технологию, то есть «изобретение средств океанской навигации для достижения далёких стран и развития военного потенциала для покорения их народов» [10, с. 64]. Так возникла международная система с доминированием Запада.

Однозначно сложно сказать, что обеспечило начало новой европейской эры. Одними из первых, актуализировавших этот вопрос, были марксистские исследователи, пытавшиеся разобраться в происхождении капитализма, усилении роли городов и формировании политико-правового ландшафта. Диспут завязался по двум направлениям, которые, как показано Б.Ю. Кагарлицким [23, с. 22], оказались вполне совместимы. В первом случае внимание акцентируется на технологической революции, развернувшейся на Западе в XV–XVI веках, росте внутреннего рынка и формировании буржуазного типа производства. Города предъявляют повышенный спрос на сельхозпродукцию, натуральное хозяйство сменяется товарным, меняется вся экономическая организация, стремительно развивается торговля со всеми сопутствующими институтами. С другой стороны, обосновывается версия, что этот бурный рост был вызван не только и не столько внутренней динамикой системы, сколько внешними факторами. Например, в XV веке к ним можно отнести эпидемию чумы, падение Константинополя и Великие географические открытия. Поясним это на примерах.

Чума, уничтожив 1/3 европейского населения, создала спрос на наемную рабочую силу, в том числе и в деревне. Падение Византии и господство турок на Средиземном море вызвало торговый кризис и поиски новых морских путей, что привело к открытию Америки и путешествиям на Восток. Поток золота из Нового Света привел к «революции цен», утратилась его прежняя покупательная способность, зато резко возрос спрос на товары (так впервые инфляция проявила себя стимулом экономического роста). Колонизация Америки создала трансатлантическую экономику, обеспечив благоприятные условия для накопления капитала.

Таким образом, реальный капитализм исторически сложился на макроэкономическом уровне, именно великие открытия сделали возможным превращение торгового капитала в промышленный. Именно с того времени Московия и Речь Посполитая обозначились конкурентами на мировом рынке, борясь за свое место под солнцем в качестве периферийных придатков европейской мировой системы, что приводило к бесконечным вооруженным конфликтам. В частности, Ливонская война имела в своей основе исключительно экономическую подоплеку. Оба государства все больше отстают от быстро развивающегося Запада, так как вывозят преимущественно сырье и ввозят технологии, оказались не готовы к ведущимся торговым, дипломатическим и политическим войнам. Излишне говорить, что они ничего не решали в морской торговле, которая обеспечивала расцвет даже небольших европейских стран – Португалии, Голландии, Швеции.

Относительно Западной Европы можно сказать, что, скорее всего, «внутреннее» развитие торговых-промышленных городов и «внешний» толчок дополнили друг друга. Показательно, что в «Манифесте коммунизма» Маркс и Энгельс недвусмысленно подчеркивают связь между формированием нового мира экономики и становлением капитализма: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента» [23, с. 425]. Переворот XV–XVI веков позволил высвободиться как созидательным, так и разрушительным силам общества, он дал реальную возможность Западу успешно реализовать уникальные социокультурные возможности, открывшиеся на рубеже Средневековья и Нового времени.

Расширение экономического мира способствовало инвестированию торгового капитала в промышленный, стимулировало появление новых технологий, резко изменило соотношение социальных сил. Так, с открытием Нового Света кукуруза и картофель не только позволили перенаселенной Европе избежать голодной «мальтузианской» западни, но и прямо стимулировали торговлю. На заре промышленной революции эти культуры обеспечили Европе излишек продуктов для обмена на продукцию мануфактур и освободили многих крестьян для работы на фабриках. В свою очередь, растущие урожаи требовали удобренных, которые поставлялись с островов Латинской Америки и Тихого океана, покрытых птичьим пометом (гуано). Оскудевшие пастбища Южной Европы, от Португалии до Украины, в эпоху Нового Времени стали крупнейшими в мире зернопроизводящими регионами. С первыми европейскими переселенцами в Америку процессы глобализации и мировой торговли ускорились неимоверно. Это привело к повышению общего благосостояния человечества, его интеграции и более сложной стратификации.

Кризис, в котором пребывала Европа накануне XVI века, был преодолен. Технический и экономический прогресс вкупе с политико-социальными и психологически-ментальными трансформациями обеспечил цивилизационный прорыв. Касаемо первых двух факторов, отметим следующие причины выхода из цепочки кризисов. Первая – смена сельскохозяйственной модели. От мелкого феодального крестьянства постепенно перешли к «капиталистической фермерской» модели – товарной и ориентированной не на натуральное потребление, а на рынок. Вторая причина – формирование расширенного товарного производства на основе максимизации прибыли, то есть работая на себя с извлечением прибыли – объективно работаешь на спрос социума. Третья причина – появление массовых товаров, что знаменовало наступление эпохи Потребителя – простого человека.

Именно с XVI века, полагает А.П. Никонов [22, с. 252], возникло то, что специалисты по математической истории сегодня называют «мир-системой», единым (глобальным) человечеством, живущим по неким единым законам, несмотря на разность культур, национальностей и религий. И возникла эта единая система во многом благодаря появлению товаров массового спроса, которые стали перемещаться на огромные расстояния. Торговые сообщения, купцы, появление массового потребителя, географические открытия, международное разделение труда, демографический рост, технический прогресс – вот характерные черты Новой Европы. Это подстегнуло рост городов, а с ним – развитие науки и технологий, поскольку во все времена прогресс делается в городе, а не в деревне. Именно рост городов повышает спрос на продукты питания, стимулирует их производство и одновременно – через прогресс науки – повышает эффективность самого сельского хозяйства. Вслед за экономикой менялась психология людей, их сознание и повседневный опыт. В конечном счёте, «возрождение европейской культуры [...], социальный плюрализм, расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для новой эры глобальной политики», – замечает С. Хантингтон [10, с. 63]. Вера в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию не заставила себя долго ждать, она получала все более широкое распространение среди людей западной цивилизации, к тому же наложилась на демографический рост населения: «Протестантская Реформация – это пример одного из самых выдающихся молодежных движений в истории» [10, с. 176]. Известно, что большая доля молодого населения – олицетворение протеста, нестабильности, реформ и революции.

Еще один серьезный момент знакового рубежа европейской истории заключается в перемене отношения к собственности: «Это было следствие существенного расширения торговли, которое началось в позднем средневековье и было ускорено открытием Нового света. До того «собственность» означала в основном владение землей; а поскольку земля была неотделима от прав суверенной власти, обсуждение вопроса о собственности поднимало вопросы о королевской (или папской) власти. С подъемом торговли, однако, собственность в некоторых частях Европы стала также означать капитал; а капитал с политикой не связывали, его воспринимали как личное имущество и в качестве такового безоговорочно считали достоянием собственника» [14, с. 43]. Состоялся пересмотр традиционных взглядов. «Право собственности не панацея, но оно при этом – краеугольный камень всей системы, – писал Эрнандо де Сото, – без права собственности никакие другие реформы не могут быть доведены до конца» [17, с. 297].

Весь ход последующей истории показал, что страны, лишённые избирателей-собственников, с большей вероятностью сворачивают на недемократические пути развития. В западной традиции институт частной собственности рассматривается своеобразной границей для государства: «Вы можете идти далеко, но тут не можете – потому что это наше все. Это сказал еще Сенека, римский философ, он сказал две с половиной тысячи лет тому назад, – что царям принадлежит власть, а гражданам принадлежит собственность» [21, с. 102]. Собственность – не неизбежное зло, она может рассматриваться как положительное благо, а ее верный спутник – свобода. Как блистательно сказал П. Джонсон [13, с. 26], у личной свободы и частной собственности существует тенденция и держаться, и падать вместе.

По мнению Н.С. Бондаря [24, с. 327], взаимосвязь собственности и свободы определяется теми глубинными явлениями, которые не только раскрывают значение собственности для освобождения (или порабощения) личности, но и позволяют характеризовать саму свободу как атрибут и основу отношений собственности. Принято считать, что одним из первых, кто на философском уровне обозначил подобный подход к собственности и свободе, был Джон Локк. Он предположил, что собственность не сводится к сумме материальных благ, а есть целостность, охватывающая собой жизнь, свободу и имущество человека. Эти категории образуют единую систему, органично взаимодополняют одна другую. Вывод Локка о том, что только свободный человек составляет «великую основу собственности» – актуален и поныне, не случайно современный бестселлер Р. Пайпса так и называется: «Собственность и свобода» [14]. Люди становятся собственниками, полагал Джон Локк, не потому, что овладевают вещественными предметами природы, а в силу более глубинных причин, – на тот момент такая концепция была абсолютно новаторской. Он объяснял, что индивиды в состоянии присваивать общественные результаты труда, ибо изначально свободны (обладают свободой воли) и уже в силу этого – собственники своей жизни и своей индивидуальности.

В правовой сфере свобода как основа собственности проявляется как совокупность субъективных прав и свобод, обеспечивающая возможность владеть, пользоваться и распоряжаться материальными и

духовными благами: «Этот срез свободы “закрывает” локковскую триаду собственности, выводя личность в том числе и на уровень вещных отношений собственности» [24, с. 328]. В рассматриваемую эпоху человек как деятельный субъект выступает уже не только собственником самого себя и характеризуется статутной автономией в системе отношений присвоения, но он проявляет себя как активная личность, действует по своему усмотрению, выбирая наиболее приемлемые для себя варианты поведения. Характерно, что само слово «собственность» (*proprietas*) стало произноситься только в XIII веке. В Европе идея собственности вызревала наряду с идеями закона и свободы, до этого собственность как материальная и психологическая реальность была почти неизвестна.

Такое совпадение не было случайным, к тому же следует учитывать и новую парадигму христианской церкви, разработанную Фомой Аквинским. С его трудами исчезло последнее препятствие на пути возрождения изучения римского права, в основу которого положена идея, что общество должно управляться законом и подчиняться требованиям разума. Без этого немыслим институт собственности, антиподом которого всегда выступали анархия либо властный произвол. «Новое общество, – пишет Рене Давид, – вновь осознало необходимость права; оно начало понимать, что только право может обеспечить порядок и безопасность, которых требует божественный замысел и которые необходимы для прогресса. Идеал христианского общества, основанного на милосердии, был отброшен, равно как и идея создания на Западе Града Божьего. Сама церковь стала более отчетливо различать религиозное общество верующих и светское общество, суд совести и правосудие и создала в эту эпоху каноническое частное право. В XIII веке уже перестали смешивать религию и мораль с гражданским порядком и правом; за правом вновь была принята его собственная роль и автономия, которые отныне стали характерными для западных образа мысли и цивилизации» [25, с. 33]. Лучшие умы того времени осуждали произвол и отвергали обращение в гражданских отношениях к сверхъестественному, то есть культивировали нормы, выражающие естественные права человека и гарантирующие свободу человеческой личности.

Свобода стала главным принципом организации экономики и социальных изменений, что привело к политическим потрясениям. «Право собственности, в конечном итоге, ведет к демократии, потому что без нее невозможно поддерживать рыночную систему собственности – это единственный сценарий, при котором инвесторы не волнуются» [17, с. 298]. Без инвестиций экономика нового типа немыслима, но эффективное инвестирование может быть только частным, – под свой страх и риск с условием юридических гарантий и мер защиты от всех тех, кто вздумает нарушать «правила игры». Ничего не изменилось концептуально и в наши дни. Во всем этом находят проявление глубинные, сущностные начала конституционной природы экономического развития общества и модернизации рыночной экономики. В историческом же аспекте путь к пониманию таких истин был мучителен и долог.

На Западе после крушения Римской империи понимание разделения власти и собственности тоже на какое-то время было утрачено. Несмотря на то, что в Средневековой Европе гуляла поговорка «вассал моего вассала – не мой вассал», «Пол Виноградофф в книге “Римское право в Средневековой Европе” приводит сохранившийся эпизод беседы Фридриха II с правоведами. Фридрих спрашивает их, не является ли император полновластным “хозяином дома” (в римском понимании) для всей своей империи, в том числе хозяином имущества своих подданных. На что правоведаы отвечают ему: нет, он повелитель *только в политическом смысле, но не в смысле собственника*» [26, с. 86]. Как замечает Р. Пайпс [14, с. 211], теоретически на Западе некоторые монархи обладали «вотчинной» властью. Так, завоевав Англию, Вильгельм I предъявил права собственности на всю покоренную им страну. Изабелла Кастильская при её восшествии на престол в 1474 году была провозглашена *Reina proprietaria* – королевой-собственницей своего королевства. Людовик XIV в 1666 году учил своего сына и наследника, что французский король является «абсолютным господином» богатств страны. Но все это были пустые формулы, как явствует из того факта, что по всей Европе короли через парламенты выпрашивали у своих подданных налоги, чего им не пришлось бы делать, будь они настоящими вотчинниками. Как известно из истории, абсолютное слияние верховной власти и собственности в режиме правления, известном как «вотчинное», произошло в Московском княжестве, что убедительно доказано в книге того же Р. Пайпса «*Россия при старом режиме*» [27].

В период феодальной раздробленности император или король власть имел священную, номинальную, юридическую, а фактически хозяевами были феодалы на местах и, конечно же, церковники. Таким образом, отмечает А.Н. Никонов [26, с. 88], в Европе мелкий феодал мог пойти на службу к крупному, то есть стать его вассалом; при этом стороны брали на себя взаимные обязательства – один нанимается и служит, другой опекает и платит за услуги. Распространенность таких отношений плюс рост городов, породивший свободное и экономически самостоятельное население, историческая память о правовом римском обществе возродили в Европе институт права.

Движение за возрождение римского права развернулось в университетах, которые проповедовали новую систему общественной организации и учили тому, что гражданское общество должно управляться правом, где римское являлось лучшим образцом. По мнению Р. Давида [25, с. 39], идея о том, что общество должно управляться правом, была признана в XIII веке. Важное событие со всей ясностью продемонстрировало испытываемую обществом той эпохи нужду в возврате идеи права: решение IV Вселен-

ского Собора в Латране 1215 года запретило церковникам принимать участие в судебных процессах, где применялись ордалии, или так называемый божий суд. Это запрещение наметило решительный поворот, что Р. Давид объясняет следующим образом: «Гражданское общество не могло управляться правом до тех пор, пока исход судебного процесса зависел от обращения к сверхъестественным силам. Само изучение права было лишено всякого практического интереса, пока при разрешении спора использовалась инквизиционная система доказательств. В результате принятого IV Собором в Латране решения, отвергшего эту систему доказательств, в континентальной Европе был введен новый, рациональный процесс по образцу канонического права. Это открыло путь к господству права» [25, с. 34].

Раймон Леже возрождение связывает с XII веком, когда западные университеты начинают преподавать римское право и «происходит осознание выгоды надлежащей организации социальных отношений» [28, с. 32]. Однако их не следует рассматривать в качестве учебных заведений, представлявших собой некое усовершенствование или обновление высших школ античного периода, появившихся во времена правления последних императоров. Само слово «университет» отражает представление о корпорации преподавателей и студентов, «они стали подлинными рассадниками знаний, а изучение наследия Аристотеля предопределило поворот во всей интеллектуальной жизни Средневековья» [29, с. 152]. Папа Григорий IX повелевал запретить его натурфилософские сочинения, но все попытки отлучить студентов от этих штудий потерпели фиаско. Однако, как и все идейные движения, этот путь был подвержен одной опасности – остаться академическим. В отличие от Англии, где возобладало прецедентное право, практическое по своей сути, на континенте возрождение римского права не решало бы глобальных проблем. Ответ был подсказан самой жизнью.

Появление предпринимателей-собственников (которых не жаловала церковь, обзывая плутами и хитрецами), торгующих на основании договора, а в дальнейшем – на основании писаных торговых законов и правил, привело к глобальным не только экономическим, но и общественно-политическим потрясениям. Средневековье не знало и не признавало капитализма, и, в отличие от демократии и плюрализма, он казался не столько духовным и общественным, сколько нарушающим единство социума и традиции. Но религиозный мистицизм и грубое насилие вынуждены были отступить перед материализмом и прагматизмом надвигающейся эпохи: «Новый мир был совсем не похож на Средневековье, и благородным рыцарям было трудно смириться с этими внезапными переменами: когда-то презренные менялы, которых любой дворянин мог приказать высечь, вдруг приходили к ним с расписками и векселями – и за спинами этих ростовщиков стояла королевская стража» [30, с. 232]. На хорошо известном геральдистам «*Диптихе Гренвилла*» [17, с. 320, 1-я ил.] – 719 гербов благородного семейства, собранные воедино по велению второго герцога Букингемского. Но всё, что унаследовал этот вельможа высшего ранга, не смогло уберечь его от последствий жизни в долг. Отныне деньги правят миром.

Обратим внимание на высказывание И.Л. Солоневича: «Частное хозяйство требует инициативы. Бюрократия отрицает инициативу по самому существу. В лестнице бюрократической таблицы о рангах – удачная инициатива не даёт почти ничего, и неудачная не грозит почти ничем. [...] Однако никакая бюрократия мира не может допустить миллионных вознаграждений таланта, изобретательности, инициативы и прочего – ибо это подрывало бы самый корень её существования: выслугу лет. В совершенно такой же степени средневековый феодал НЕ МОГ признать прав таланта, изобретения и инициативы – ибо если бы он их признал, чему тогда будут равняться его семь поколений рыцарских предков, дающих ему – по праву рождения – право на подобающее ему количество колбасы, замков, почёта и власти?» [2, с. 6]. Как указал Джордж Фридман [11, с. 90], традиционалистское общество до сих пор предполагало, что высший слой общества в европейских странах – это наследственная аристократия. С древних времен было принято считать, что благородство и добродетель передаются по наследству, поэтому власть на всех её уровнях должна наследоваться. Конечно, мы признаем, что таланты могут рождаться и в аристократических поколениях (семейство Питтов, Сапегов, Медичи, Борджиа), но порочно предопределять общественное положение человека, всю его судьбу еще до его рождения. Влиятельность личности в обществе должна обуславливаться не знатностью рода, а талантом, который, в свою очередь, проявляется в способностях ко всему из того, что верно отметил И.Л. Солоневич.

Высшие слои, вследствие развития феодальной ренты, всё больше превращались в «земельных рантье» и всё меньше занимались непосредственно ведением хозяйства. Деньги, которые они при этом могли извлечь, не вкладывались в экономический прогресс (такая же история была со шляхтой и магнатерией Речи Посполитой, прокутившей в конечном счете свое Отечество. Веком позже помещики Малороссии, имевшие невероятные барыши от экспорта пшеницы, ничего не инвестируя в собственные хозяйства, спустили свои состояния на самых дорогих курортах и в игорных домах за границей). Существовавший в большинстве стран институт джоржизма [5, с. 309] (утрата дворянского статуса при занятии «неблагородным» делом) мешал земельной аристократии делать дело, и средства, которые могли бы быть по меньшей мере вложены в землю и подпитать прогресс сельского хозяйства, бесследно исчезали во все более растущих и всепожирающих расходах на престиж и роскошь. Дальше – долги, кабала, разорение и «позорные» мезальянные браки дочерей.

Особенно пострадали страны, где долгое время сохраняли господство рыцарски-религиозные идеалы. Например, когда многие народы Европы обратили свое внимание к новым проблемам духовного и хозяйственного порядка, для Испании все христианское население имело перед собой только одну задачу в жизни – изгнать ислам. Все войны за независимость были религиозными войнами, «будто бы 3700 битв было дано против мавров, пока они не были изгнаны» [31, с. 275]. Феодализм (рыцарство) и фанатизм (церковники) по совершенно объективным причинам сплелись в такое непонимание, которому в новом мире не было места. (Не случайно национальным героем Испании становится, без сомнения, наименее капиталистический тип в мировой истории – последний странствующий рыцарь, привлекательный и симпатичный Дон-Кихот в одноименном произведении Сервантеса.) Когда Испания ступила в Европу капиталистическую, она к этому оказалась совершенно неготовой. Преследование евреев и наплыв колониального золота окончательно разрушили экономику страны. В XVI веке изгнание евреев, мавров и даже крещёных мавров, составлявших более 3 млн. населения, притом самого образованного, трудолюбивого и богатого, повлекло за собой неисчислимы потери для испанского земледелия, промышленности и торговли. В течение 70 лет цифра испанского населения упала с 10 миллионов до 6 [32, с. 153], к тому же продолжался отток пассионариев в колонии.

Поразительным образом рассматриваемая ситуация XVI века имеет отношение к действительности. Лучшее описание характерного умонастроения даёт Ниал Фергюсон: «Что же до изобиловавшей серебром Испании, то она, как и Саудовская Аравия, Нигерия, Иран, Россия и Венесуэла в наши дни, стала типичной жертвой “ресурсного проклятия”: во всех перечисленных странах исчезли стимулы к развитию иных отраслей экономики и одновременно усилились позиции жаждущих моментальной прибыли автократов, упал авторитет органов представительного правления (в случае Испании – кортесов. Георг Вебер выяснил [7, с. 453], что богатства, доставляемые Америкой, дали испанским королям возможность не просить субсидий у кортесов; потому кортесы не были созываемы, и, таким образом, погибли последние остатки прав испанского народа; а с падением свободы упало и благосостояние, потому что деспотизм подавил энергию мысли и труда). Испанцы никак не могли осознать простую истину: ценность драгоценных металлов – какая примечательная тавтология! – не абсолютна. Деньги стоят ровно столько, сколько другой человек согласен на них обменять. Увеличение их предложения, хотя и может принести выгоду монополизировавшему производству денег правительству, не обогатит все общество. При прочих равных расширение денежных средств приведет лишь к росту цен» [17, с. 36]. Если с сырьевым вопросом все ясно, то по «изгнанию евреев» пишется мало. Конечно, в государствах с сырьевой экономикой речь не о них, но дело в следующем. Во всех этих странах наблюдается отток наиболее талантливых, инициативных, творческих людей, их выдавливают существующие режимы с неумолимой методичностью. Они востребованы в развитых странах – но не нужны в своих отечествах. История и здесь ничему не учит.

В целом ситуация в Европе выглядела так. Для социума стало очевидно, что взаимодействие между людьми можно организовать не только при помощи грубой силы (феодалы) или страха перед загробной расплатой (церковники). Эффективность показал новый способ: взаимодействие на основе договоров и писаных правил. Так на севере Европы возникла большая торговая конфедерация, быстро приобретающая политическое могущество и начавшая господствовать на обширных торговых пространствах – Ганза. Её появление связывают с заключением в 1161 году под эгидой Генриха Льва мира между немцами и жителями Готланда, по которому создавалась община немецких купцов. К концу XIII века её влияние распространялось от Фландрии и Англии до Северной Руси (Новгород) и языческих земель (Рига, с 1201 г.), а немецкий купец методично вытеснил скандинавских торговцев в прибалтийских и славянских странах. В XIV веке Любек возглавил союз северогерманских торговых городов, который с 1356 года стал называться «Немецкой Ганзой». В зависимости Любека находилось более 100 «дочерних» городов. Преимущество немцев объясняется отменными конструкциями судов, союзничеством с феодалами и обладанием большими финансовыми ресурсами. «Экспансия купцов, – описывает положение Ж. ле Гофф, – ускорила продвижение на восток немецких колонистов, горожан и крестьян; то мирно, а то с оружием в руках они добивались привилегий, которые, помимо экономических выгод, обеспечивали настоящее этническое превосходство» [5, с. 99].

Торговая форма колонизации давала Западу первые навыки колониализма, играла существенную роль в экспансии денежного хозяйства, каковое было еще одним феноменом, связанным с развитием городов. Как центры потребления и обмена, города вынуждены были прибегать к использованию монеты в торговых операциях. Жители городов Ганзейского союза имели в Европе самый высокий уровень жизни и чёткие стандарты личной безопасности вкупе с духовной свободой. Ганза явила совершенно новый образец социума, причём следует заметить, что строилась и функционировала она на договорной основе. Это не имело ничего общего с феодальным, каноническим и примитивно-крестьянским обычным правом Средневековья. По сути, в те далекие времена была создана крупнейшая международная торговая организация, тогдашний аналог ВТО. Человечество издревле тяготело к свободной торговле, и именно она, свобода обмена плодами своего труда, явилась надежной базой для экономической и личной свободы.

Концентрация капитала в руках владельцев купеческих компаний Ганзы имела большое политическое значение, а с экономической точки зрения «она была движущей силой дальнейшей экспансии, поскольку компании могли вкладывать крупные инвестиции в нуждавшиеся в наличном капитале экономические структуры, например, в горнодобывающие и судовладельческие предприятия. Это, в свою очередь, привело к необходимости обновления правовых структур как в области права, относившегося к горнорудной отрасли, так и в области морского права» [29, с. 143]. Технические новшества, введение новых методов передачи механических усилий, защита в области имущественного права и многое другое явилось предпосылкой или привело к созданию неведомых ранее конструкций в юридической технике. На примере Ганзы едва ли еще найдется в европейской истории Средневековья период, в котором с такой отчетливостью можно было бы проследить взаимосвязь между экономическими и юридическими успехами. Даже в городах не было такого подъема, ведь многие из них находились под властью феодалов и епископов, ущемлявших частнопровольные интересы членов городской общины.

Ганзейский союз является нетипичным примером того, как право может существовать без государства: «Не все законы, следовательно, могут быть продуктом законодательного процесса; напротив, власть принимать законы предполагает признание некоторых общих правил; и те правила, которые лежат в основе власти принимать законы, также могут ограничивать эту власть» [33, с. 114]. Торговые соглашения и обычное право коммерсантов – такого Европа еще не знала. Знала она совсем другое – недоверие, страх и враждебность по отношению к торговле и коммерции, и о причинах такого ostracизма убедительно пишет Ф.-А. фон Хайек [16, с. 156–183]. Не случайно эти суеверия во все времена питали различного рода социализмы, но каждый раз тоталитарные проекты заканчивались крахом. В насилии и религиозной ортодоксальной идеологии для человека нового типа нет нужды, свободный обмен предметами потребления и товарами явился предтечей нынешней глобализации. Развитие тех регионов Европы, которые оказались вовлеченными в новый макропорядок, наглядно показало, что увеличение экономической открытости значительно поднимает общий жизненный уровень социума, несмотря на то, что всегда будут и проигравшие (в числе таковых оказались ранее привилегированные или защищенные социальные группы). Движение товаров, капитала и трудовых ресурсов повлекло за собой движение знаний, культуры и важнейших социальных институтов.

Здесь, безусловно, не стоит поддаваться крайним взглядам. Ниал Фергюсон убедительно доказал на примере Британской империи [34], что и свободной экономике нужна политическая опора. Поэтому растет оценка важности для свободного рынка таких правовых, финансовых и административных институтов, как верховенство закона, надежные кредитно-денежные режимы, прозрачные финансовые системы и некоррупцированная бюрократия. Без государственной политики эти долгосрочные проекты невозможны, не случайно и Ганзейский союз, и могущественная Ост-Индская компания пришли к упадку. Но начало было положено не благодаря, а вопреки централизованной автократической власти. Просто новый уровень развития потребовал иного ресурсного обеспечения. И еще. Необходимо различать роль торговли в локальных пространствах и в рамках макроэкономики, возникшей с конца XV века. Верно отмечено [10, с. 342], что постоянно расширяющаяся торговая сеть не гарантирует мир и гармонию среди государств, а экономический рост порождает политическую нестабильность внутри стран и в отношениях между ними, изменяя сложившийся между странами и регионами баланс сил. Иными словами, экономический обмен способствует взаимным контактам народов, но далеко не всегда способствует согласию, ведь торговля, как и прибыль, имманентно является источником конфликта. Но в рамках одной цивилизации противоречия не столь ощутимы.

В те времена создается система, основанная на договорах и писаных законах, принятых по согласию разных сил общества. Это зарождающееся право формировалось и исполнялось добровольно: «Взаимные обязательства, принятые на частной основе, со временем приобрели общественное измерение и послужили основой конституционного правления в Европе и странах, заселенных европейцами, поскольку конституция тоже представляет собой контракт, в котором расписываются права и обязанности правительства и граждан» [14, с. 69]. На место старой элиты (феодалов, чиновников феодального государства и церковников) приходит новая – деловые, торгово-промышленные круги, учёные. Создаются объективные предпосылки для политических реформ, хотя какое-то время королевская власть смогла балансировать на противоречиях старой и новой элит. Наиболее ярко такая тенденция проявилась в возникших абсолютистских монархиях: Франция времен «короля-солнца» Людовика XIV, Австрия Габсбургов, Российская империя при Екатерине II. Для католической церкви, которая не приняла этих порядков, все сложилось еще печальнее.

Майкл Новак в книге «Дух демократического капитализма» (1982) [35] доказал, что наиболее глубокой трагедией церкви оказалась ее неспособность понять моральные ценности, лежащие в основе новой экономики. Оставаясь в стороне, она не испытала на себе их влияния. Доходило до анекдотического, о чем пишет Ж. ле Гофф [5, с. 101]. Когда епископ или аббат желал расширить, перестроить собор или монастырь, он сразу же находил чудесный клад, который позволял ему приступить к постройке. Так под видом чуда церковь извлекала накопленные ею сокровища и пускала их в оборот. Но успешное развитие городов отодвинуло на второй план и сделало анахроническим монашеское и отшельническое

движение, даже к нищенствующим орденам менялось отношение: коль скоро труд становился базовой ценностью нового общества, допустить, что можно жить нищенством, было непросто. В глазах горожан доминиканцы и францисканцы были символом лицемерия, а первые к тому же вызывали ненависть тем, что возглавляли репрессивную инквизицию. Связанная с прошлым, церковь не смогла соединить в своем отношении к новому порядку ту критичность и доброжелательность, которые были характерны для её отношения к феодальному строю и общественной жизни средневековой Европы (Св. Августин, Т. Аквинский). Размышления отцов церкви о политике и истории стали малополезными, но «ни об одной важной сфере человеческой деятельности теологическая традиция не имела столь устаревших представлений, как об экономике» [35, с. 25]. Ответ коренится в области психологии, считает И.Л. Солоневич: «Служитель религии не вправе выдумывать ничего нового: он должен придерживаться тех “вечных истин”, которые изложены в Библии, Коране или Ведах. Не следует иронизировать над вечностью этих истин: в каждой из этих книг вечная истина средактирована в той её форме, какая наиболее соответствует эпохе и расе. Во всяком случае, ни одна из этих книг ничему злему не учит. Священнослужитель каждой религии обязан соблюдать обряд, выработанный веками и веками. “Личная инициатива” тут отсутствует полностью» [2, с. 5]. Протестанты, как убедимся, смотрели на все иначе.

Предвосхищая эпоху Возрождения и Реформации, в истории католической средневековой Европы зафиксировано явление, абсолютно ей не характерное, особенно в финансово-экономическом отношении. Та сторона хозяйственной жизни, которая отличала взгляд на новую экономику протестантов и евреев, ранее уже имела место. Речь идет о деятельности Ордена Тамплиеров – рыцарей Храма Соломона (название получено по прописке: первая резиденция располагалась у руин знаменитого Иерусалимского храма). Его военно-политические мероприятия отставим в сторону, нас интересует, что собой являла первая в истории Европы транснациональная корпорация и почему её можно считать предвестником зрелых, передовых по своей сути финансово-экономических институтов, составивших впоследствии основу капиталистического уклада.

Этот духовно-рыцарский союз появился на свет в 1119 году стараниями рыцарей Гуго де Пайена и Готфрида де Сент-Омера, которые вместе с семью товарищами поклялись жизнь положить «безвозмездно», защищая паломников в Святую землю. На первых порах так оно и было – в войнах за веру сложили головы более 20 000 храмовников (по подсчетам французского историка Ж.-Ф. Мишо, автора *«Истории крестовых походов»* [36]). Поскольку орден создавали рыцари, он сразу же стал военной организацией, которой командовал избиравшийся пожизненно специальной коллегией великий магистр. Роскоши не было и в помине, но нищенствующие рыцари Христа (еще одно название ордена Храма) влачили бедное существование совсем недолго.

Сопровождение и вооруженная охрана делегаций и грузов, следующих из Европы в Святую землю и обратно, оказались столь выгодными занятиями, что казна ордена стремительно наполнилась золотом. Этому потворствовал Ватикан, рассчитывавший использовать мощь тамплиеров по своему усмотрению, а также крупные феодалы, отписывая Ордену щедрые дарения и пожалования. Постепенно военные операции сходят на нет, рыцари так много времени уделяли ростовщичеству (понтифик очередным указом разрешил тамплиерам давать деньги под ссудный процент, в то время это строжайше запрещалось католической церковью, однако для храмовников сделали исключение) и торговле, что сражаться с «неверными» стало просто некогда. На Кипре была их перевалочная база (оттуда история знаменитых офшоров?), но финансово-экономическая активность перенеслась на всю Западную Европу. Этому способствовали неслыханные политические привилегии и налоговые льготы, десятки тысяч приоратов, складов, верфей, земель и банков. Орден не подпадал под юрисдикцию местных феодалов, не платил местные церковные налоги, не подчинялся епископам и был подсуден лишь Папской Курии. Все другие, созданные практически одновременно духовно-рыцарские ордена (госпитальеры, тевтоны, калатавры, меченосцы) ничего подобного не имели. Уже к 1130 году по всей Западной Европе (прежде всего, в Испании, Франции, Англии, Шотландии и Фландрии), где влияние храмовников было особенно велико, насчитывалось более 10 000 приоратов (с замками, землями и монастырями), а число одних рыцарей (без, так сказать, вольнонаемных работников) превысило 20 000 братьев.

В XIII веке приораты ордена Храма обосновались в Германии и Италии, Венгрии и Австрии, и повсюду тамплиеры оказывали услуги – сопровождали делегации и грузы, охраняли и перевозили ценности, взимали долги, обеспечивали права на наследство и т.д. Пользуясь разрешением Святого престола, ссужали деньгами королевских особ и крупных феодалов. Порой деньги были не своими, тамплиеры подобно банку посредничали, оперируя заемными средствами еврейских общин, которые вели в силу понятных причин более изощренное ростовщичество. Евреям, в отличие тамплиеров, никто не гарантировал возвращения долгов. Это был могущественный трест со своими военными и торговыми флотами, профессиональной армией, службой безопасности и целой сетью банков по всей Европе и Передней Азии. Они внедрили безналичный перевод денег, когда требуемые суммы выдавались по предъявлению писем из одного приората в другой, даже если те находились на противоположных концах Европы (не нужно тащить

мешки с монетами и бояться разбойников). Одно это новшество сделало банковские услуги тамплиеров вне конкуренции, но они пошли дальше, впервые в европейской истории разделив банковское дело и торговлю, изобрели чеки и аккредитивы, ввели в обиход понятие «текущий счет». Постепенно главным источником доходов сделалось ростовщичество с гигантскими суммами. Ссуды выдавались под заклад имущества, официально именовавшийся «передачей на хранение». Что это было за имущество? Например, коронные драгоценности английских королей (1204), большая королевская печать Плантагенетов (1220), даже королевская корона (1261). Куда более интересен вопрос, кто научил нищенствующих пилигримов совершенному банковскому делу и великому искусству манипулировать политиками, умению создать закрытую структуру с множеством степеней посвящения на принципах государства в государстве? Историки сходятся во мнении, что, как и многое другое, это знание получено на Востоке, в частности, – от ассасинов и исмаэлитов.

Завершилась эпоха тамплиеров трагично. После того как они отказали Филиппу Железному самому возглавить Орден, тот, зная о несметных богатствах храмовников, отдал секретный приказ о подготовке масштабной операции по уничтожению последних. Во Франции и других европейских монархиях состоялись повальные аресты рыцарей-тамплиеров во главе с Великим магистром Жаком де Моле и чего им только не инкриминировали королевские чиновники с инквизиторами. Храмовников жгли на площадях. Важнейшую роль сыграла экономическая составляющая, поскольку обанкротившаяся власть стремилась завладеть активами поверженной корпорации. Но светским и церковным властям мало что досталось. По версии ученых, одну часть сокровищ доставили заблаговременно в Шотландию – родину наиболее могущественного и почитаемого масонства, другую – финансовой империи Барди и Перуцци, так называемой «Золотой сети» флорентийских ростовщиков. На востоке многие храмовники влились в ряды Тевтонского ордена. Именно тамплиеры создали первый в средневековой Европе международный банковско-финансовый картель. Орден уничтожили, но не его деньги. Они ведь бесследно никуда никогда не деваются, как и энергия, с которой у денег поразительно много общего. По сути, на конкретном примере с явным хронологическим опережением тамплиеры показали прообраз будущей новой экономики, проложившей дорогу к революционным изменениям во всех сферах жизни. К слову сказать, эта история – редчайший пример победы монархии-государства над могущественным международным картелем, обосновавшимся в данной конкретной стране. Но эта эпоха завершилась, и с наступлением Нового времени можно говорить о следующем.

Весь креатив, интеллект и экономический расчет новых структур был направлен на дезориентированный социум, который в это время делал выбор между старыми порядками и буржуазным строем. Если в первом случае со стороны феодала было лишь насилие либо угроза его применения, то во втором – взаимовыгодные отношения, построенные на диалоге. Паразитирующие феодалы взимали с общества дань, не давая ему практически ничего взамен. Вконец дискредитировавшая себя католическая церковь (оргии римских пап, неприкрытая борьба за власть и богатства, лицемерие и ложь, чёрные мессы во славу дьявола, индульгенции, инквизиция, отрицание науки и светского искусства) утратила всякий моральный авторитет, а Реформация в экономически развитой Северной Европе расчистила дорогу к духовному оздоровлению общества. Иного пути просто не было: «... из трогательных светлых идей всеобщей любви и благоденствия выросла одна из самых страшных машин выхолощивания мозгов каленым железом: христианская церковь, имевшая под рукой целые армии наущников и пыточные застенки, дыбы и клещи для выдирания ногтей, “испанские сапоги”. Организация, скопившая столько золота и драгоценных камней, что за его грудями стало не видно Христа в его простой холщевой плащанице...» [30, с. 312]. Праздность и жадность католических бонз переполняет чашу терпения. Это были «худшие времена в истории церкви, когда она перед Реформацией погрязла в коррупции. Тогда слова о преданности и чистоте [...] использовались для того, чтобы поддерживать мир неверия, физических удовольствий и извлечения прибыли» [37, с. 290]. Времена, когда папство являло собой «сильную наднациональную монархию» [5, с. 124], остались в прошлом. И наоборот, мотивация к труду на основе нравственного долга, исповедуемая протестантизмом, приводит к зарождению нового мышления. Экономически самостоятельный, независимый индивид и политически мыслит иначе. О себе заявляет свободная и грамотная личность, осознающая свои права.

Это очень важный момент, объясняющий зарождение конституционализма. Протестанты, полагающиеся не на коллективное, а личное суждение, формируют принципиально новое европейское мировоззрение – индивидуализм: «На человеческое сообщество стали все больше и больше смотреть как на абстрактное понятие, образуемое сложением индивидуумов, а общественное благополучие считать суммой процветания отдельных личностей» [14, с. 43]. Возвращаясь к истокам христианства, протестанты исповедуют основной догмат о спасении «личной верой», что делает их независимыми от церкви или братств верующих. Мистика и культовые отправления, длительные и дорогостоящие, больше не нужны. Поскольку протестантизм даёт не созерцательную, а деятельную веру, в почёте труд и преуспевание (можно назвать это и стяжательством), успех в реальных делах, умение создать и обеспечить благополучную семью. Личное процветание, в свою очередь, стало считаться вознаграждением за разумную жизнь. Добродетель равнозначна экономической эффективности; вести добродетельную жизнь – значит управлять своим телом и душой. Отсюда необходимость воздержанности. Именно такой образ жизни по протес-

тантскому учению угоден Богу. Не подлежит сомнению, уверен Ф.-А. фон Хайек, «что, особенно среди тех, кто добился большого успеха при рыночном порядке, развилась вера в намного большую нравственную оправданность индивидуального успеха. Спустя долгое время после того, как основные принципы такого порядка были полностью разработаны и одобрены католическими учителями этики, они получили в англосаксонском мире сильную поддержку со стороны кальвинистских учений. В рыночном порядке [...] безусловно важно, чтобы люди верили в то, что их благополучие в первую очередь зависит от их собственных усилий и решений» [33, с. 243].

Речь идет о человеке нового, современного типа, а до этого все было принципиально иначе. «В церкви, администрации и армии, где человек входит в веками сколоченный аппарат, его личные качества перестают играть решающую роль. Его деятельность направляется традицией, законом, преданием, навыками – всей инерцией векового аппарата. Попадет ли он на генеральское или епископское место по личным заслугам, по выслуге лет, по протекции тетушки – и это особого значения не имеет: его пути заранее предусмотрены инерцией. И никогда нельзя доказать, что на месте одного генерала другой был бы лучше или, по крайней мере, намного лучше. В этой среде существует вполне законное недоверие ко всякого рода новаторам, изобретателям, литераторам и прочим беспокойным элементам страны» [2, с. 6]. И вот в эту так плотно налаженную и веками устоявшуюся жизнь врывается беспокойный элемент таланта, риска, предприимчивости, новизны – и ниспровергает казавшийся незыблемым порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеппели, Ким Лейн. Российская Конституция в конституционной истории Европы / Ким Лейн Шеппели // Сравнительное конституционное обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 7–17.
2. Солоневич, И.Л. Диктатура сволочи / И.Л. Солоневич. – М.: Русская Правда, 2013. – 96 с.
3. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер с англ. / Г.Дж. Берман. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издат. гр. ИНФРА-М–НОРМА, 1998. – 624 с.
4. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Дж. Франкл; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во У-Фактория, 2005. – 560 с.
6. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. : пер. с нем. / Ф. Ницше; сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1997. – Т. 1. – 829 с.
7. Вебер, Г. Всеобщая история / Г. Вебер; Издание К.Т. Солдатенкова. – М.: Тип. В.В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова, 1888. – 629 с.
8. Ястребицкая, А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм / А.Л. Ястребицкая. – М.: Искусство, 1978. – 176 с.
9. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелева. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
11. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.
12. Верещагин, С.Г. Налоговые восстания и бунты в Германии в Средние века / С.Г. Верещагин // Право и политика. – 2010. – № 4. – С. 789–800.
13. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы: в 2-х т. Т. I / П. Джонсон; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М.: Аноубис, 1995. – 528 с.
14. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс; пер. с англ. Д. Васильева. – М.: Моск. школа полит. исслед., 2000. – 415 с.
15. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 669 с.
16. Фон Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. фон Хайек; пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu», 1992. – 304 с.
17. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 431 с.
18. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2-х т. / Ф. Бэкон. – 2-е испр. и доп. изд. Т. 1; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1977. – 568 с.
19. Бернштейн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернштейн; пер. с англ. И. Летберга. – М.: АСТ, 2014. – 508 с.
20. Смит, А. О богатстве народов / А. Смит; пер. с англ. Л. Кисляковой. – М.: Изд-во АСТ, 2010. – 255 с.
21. Пайпс, Р. Два пути России: пер. с англ. / Р. Пайпс. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.

22. Никонов, А.П. Кризисы в истории цивилизации. Вчера, сегодня и всегда / А. Никонов. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2011. – 416 с.
23. Кагарлицкий, Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
24. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
25. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
26. Никонов, А.П. За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии / А.П. Никонов. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2012. – 512 с.
27. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
28. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Р. Леже; пер. с фр. А.В. Грядова. – 2-е изд. перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
29. Аннерс, Э. История европейского права: пер. со швед. / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
30. Зуев, Я. Большой план апокалипсиса / Я. Зуев. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.
31. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура: пер. с нем / В. Зомбарт. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 576 с.
32. Власов, В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 336 с.
33. Хайек, Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф.А. фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
34. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
35. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак; пер. с англ. В.Г. Маргутика. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 544 с.
36. Мишо, Ж.-Ф. История крестовых походов / Ж.-Ф. Мишо; пер. с фр. С.Л. Клячко. – М.: Новый Акрополь, 2014. – 470 с.
37. Сол, Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Дж. Р. Сол; пер. с англ. А.Н. Сайдашева. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895 с.

Поступила 14.03.2016

THE SOURCES AND PRIME CAUSES OF THE EUROPEAN CONSTITUTIONALISM

Part 1

A. PUGACHEV

The socio-political, economic, religious and psychological factors which have caused formation of civilization way are studied. The reasons of feudal and church domination over society in the conditions of the mutually advantageous arrangement are spoken. It becomes clear why trade relations have changed psychology of Europeans, have seriously changed the relation to property. The increasing contract role in interaction between people, value of an urbanization and the self-coping cities, science and education are shown. The reasons of steady interrelation of capitalism, Protestantism and the arising constitutionalism are investigated. It is proved why individualism and rationalism promote origin and maintenance of the constitutional relations. The assumption becomes that the bases of civil society are formed during the considered historical period in Europe. The constitution representing idea of the new right has acted as timely, effective and rather effective instrument of the transformations taking place.

Keywords: *medieval civilization, commerce, city, property, individualism, law, constitutionalism.*